

Юй Тяо давно не виделся со старшим поколением семьи Лу, поэтому замешкался, не зная, как лучше к ним обратиться. Осторожно бросив взгляд на Лу Куаньдуна, он несмело произнёс:

— Здравствуйте, мама, папа.

Лу Тинхэ всегда симпатизировал юноше и не раз хвалил выбор сына. Одарив Юй Тяо мягкой, тёплой улыбкой, он жестом манил его к себе:

— Иди к нам, садись со мной рядом.

Юй Тяо послушно кивнул и выпустил локоть Лу Куаньдуна.

— Погляжу я на тебя... Ты будто исхудал? — Лу Тинхэ бросил на сына укоризненный взгляд. — Он что, плохо о тебе заботится?

— Нет-нет, что вы! — тут же принялся оправдывать его Юй Тяо. — Я сам по себе слабый, чуть что — сразу болячки пристают.

Лу Тинхэ сразу всё понял. Наклонившись к самому уху юноши, он тихо, почти шёпотом проговорил:

— То, что Куаньдун встретил тебя — его великое счастье. Он пока этого не осознаёт. Будь к нему снисходителен, ладно? Ему с самого детства пришлось несладко.

Юй Тяо кротко кивнул. В памяти всплыли точно такие же слова управляющего.

В огромном клане Лу, пожалуй, лишь Лу Тинхэ сохранял относительную беспристрастность. В отличие от своей супруги Сан Фэймэн, баловавшей Лу Ваня до невозможности, отец хотя бы изредка сочувствовал старшему сыну.

Впрочем, жену он боготворил. Влюбился без памяти с первого взгляда на каком-то банкете, хотя та уже была помолвлена. Ему потребовалось немало сил, чтобы добиться её расположения. И каково бы ни было сострадание отца к Куаньдуну, тот всё равно проигрывал родному сыну Сан Фэймэн — Лу Ваню.

Свет под потолком внезапно померк. Юй Тяо пришлось несколько раз моргнуть, привыкая к нахлынувшему полумраку.

Из-за кулис на сцену вышел Хань Ло. Юй Тяо инстинктивно повернулся к Лу Куаньдуну — тот, как и ожидал юноша, не сводил с музыканта глаз. Впрочем, не он один: зал замер, а лучи прожекторов послушно скользили вслед за каждым шагом артиста.

Грянула буря аплодисментов. Лу Вань, хлопавший вместе со всеми, постепенно замедлил движения, испустил короткий смешок и с живым любопытством шепнул брату:

— Слышь, а у Хань Ло лицо какое-то странное. Заметил?

Лу Куаньдун одарил его ледяным взглядом:

— Нет.

— Да ну? А ведь в старшей школе прохода ему не давал, — с наигранным изумлением протянул Лу Вань.

В силу возраста он тогда ещё не понимал, какие карты на самом деле разыгрывает старший брат. Знай он уже в те годы, что Куаньдун всю строит планы по разделу семейного капитала, его вздорный и сопернический нрав наверняка заставил бы его тоже приударить за Хань Ло.

Лу Куаньдун искоса глянул на Юй Тяо, сидевшего подле отца. Тот, опустив голову, что-то жевал, отчего его щека смешно надулась — вылитый упитанный хомячок. Убедившись, что юноша не слышит их разговор, Куаньдун отрезал:

— Что было, то прошло. Ты сам разве не вздыхал по кому-то другому, а в итоге всё равно обручился с назначенной партией?

— Эй, не ровняй меня с собой! — огрызнулся Лу Вань. — Умник нашёлся. Просто вовремя понял, что Хань Ло сохнет по Дуань Юйчэню, вот и выбросил бесполезную пешку, верно?

Сам Куаньдун так не считал. Он был искренне убеждён, что когда-то действительно испытывал к Хань Ло чувства. Вот только любовная привязанность в его системе координат всегда оставалась самым разменным товаром. Единственное, что его сейчас угнетало, — их отношения с Юй Тяо совсем не походили на брак настоящей супружеской пары, и это бросалось в глаза посторонним.

— Думай что хочешь, — сухо отмахнулся Куаньдун, не желая устраивать перепалку на глазах у родителей.

Пожав плечами, Лу Вань тоже потерял интерес к спору — ему просто хотелось уколоть брата. Вернув взгляд к сцене, он некоторое время вслушивался в музыку, но ощущение фальши лишь усилилось.

— Интонация плывёт уже какой раз... — пробормотал он под нос. — Хань Ло сегодня совсем сам не свой.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как скрипка осеклась. В мгновенно установившейся тишине глухой, тяжёлый стук прозвучал подобно грому.

Обе руки Хань Ло бессильно опустились. Он судорожно схватился за грудь, глотая воздух, брови болезненно сдвинулись к переносице, а губы и лицо налились мертвенной, неживой белизной. Первую секунду он ещё пытался пересилить себя — потянулся было к упавшей скрипке, чей корпус уже треснул от удара о пол, — но в глазах потемнело, и скрипач замертво рухнул навзничь.

Первым неладное заподозрил Хань Юйин. Он бросился к сцене. Хань Ло лежал с плотно сомкнутыми веками; его шею обсыпали густые красные пятна, сознание угасло. Не теряя ни секунды, Хань Юйин крикнул слугам готовить машину в больницу, подхватил юношу на руки и поспешил к выходу. Зал взорвался гулом. Шум, в котором переплелись выкрики сочувствия, тревоги и простого любопытства, превратился в оглушительный хаос. От этой суматохи у Юй Тяо беспричинно защемило сердце.

Лу Куаньдун порывался было сорваться с места, но Сан Фэймэн властно перехватила его за запястье. Повернувшись к младшему сыну, она распорядилась:

— Пойди посмотри, что там.

— Я? — Лу Вань сначала обомлел, но тут же сообразил, что семье нужен представитель для выражений сочувствия, и торжествующе ухмыльнулся брату: — Ладно, сделаю.

Куаньдуну было не до пререканий с матерью, чья предвзятость давно перешла все границы. В памяти вспыхнул похожий приступ Хань Ло ещё в средней школе: тот случайно съел сладость, где арахис числился на самых последних строчках состава, и едва не отправился на тот свет.

В этот момент кто-то мягко потянул его за рукав. Юй Тяо несмело шепнул:

— Что с Хань Ло?.. Мы останемся здесь? Тут так много народа... мне немного...

Юй Тяо хотел уйти. Он ещё мог пересилить себя в толпе, но когда вокруг поднимался шум и гвалт, его охватывал липкий страх. Была и другая причина: он видел, как изводится Куаньдун, не способный открыто кинуться на помощь из-за уз брака. Юй Тяо лишь искал предлог, чтобы дать ему возможность поехать в больницу.

Однако завершить фразу и произнести «не по себе» он не успел. Лу Куаньдун грубо, с жестокой резкостью перебил его:

— Что ты дал Хань Ло?!

Юй Тяо всегда восхищался его глазами, но сейчас встретил всё тот же знакомый взгляд —

надменный, полнившийся мрачной, сжигающей лютостью. Куаньдун смотрел на него свысока, и этот молчаливый взор резал больно, куда горше любых бранных слов.

— Арахисовое печенье, — пробормотал Юй Тяо. — Но он сам...

— Юй Тяо, — снова не дав ему договорить, Куаньдун тяжело выдохнул. Его голос понизился до глухого рокота, а на дне зрачков закипела опасная, тёмная волна. — У Хань Ло смертельная аллергия на арахис. Ты чего добивался?

Нескрываемое отвращение, ледяной мрак и неприязнь проникли в самое нутро юноши, вымораживая внутренности — от желудка до самого горла. Воздух будто забился мелким песком: каждый вдох давался с дикой, удушающей болью.

— Я не знал, что у него аллергия, — тихо вымолвил Юй Тяо.

Доказывать свою невиновность всегда тяжело, а уж когда тебя заранее признали виновным — и вовсе безнадежно.

— Пошли отсюда, — отрезал Куаньдун.

Оглядевшись, он заметил, что родители уже покинули свои места, хоть в зале всё ещё толпился народ. Схватив Юй Тяо за запястье, он поволок его к выходу с такой силой, будто вознамерился переломать тонкие кости.

"Снова злится."

"Нет, на этот раз всё намного хуже, чем тогда, с удалением родинки..."

Родинка лишь растоптала чужую иллюзию. Но если с Хань Ло что-нибудь случится... Куаньдун заставит его заплатить собственной жизнью.

Затылок, где располагалась железа, пронзило адской болью. Слезы крупными каплями посыпались из глаз — на воротник, на сжатое чужой хваткой запястье и дальше, на холодные плиты пола.

Смерть его не пугала. Ему было всё равно, жить или умереть. Единственное, о чём он молил небеса — чтобы Лу Куаньдун не смотрел на него с такой ненавистью. Когда эти глаза излучали столь откровенное отвращение, Юй Тяо казалось, будто чужая рука сжимает и выкручивает его собственное сердце.

Сколько они так шли, юноша не помнил. Ноги гудели от усталости, когда Куаньдун наконец втоптал его в пустую гостевую комнату.

Швырнув его в сторону, он не рассчитал силы. Юй Тяо плечом и боком врезался в стену; обострённая железа на затылке задела какой-то острый выступ. От вспышки боли перед глазами всё поплыло, зрение потеряло чёткость, но он стиснул зубы и не издал ни звука.

— У тебя ещё хватает наглости реветь?

Юй Тяо понимал: в своём нынешнем виде он вызывал у Куаньдуна лишь брезгливость, а слёзы только разожгут раздражение. Он изо всех сил сдерживал всхлипы, хотя сердце колотилось как безумное.

— Я... я не нарочно, — прошептал он, прижав ладонь к затылку. Кожа под пальцами горела, словно к ней приложили раскалённое железо.

Лу Куаньдун не опустил до крика, как в тот раз с родинкой. Говорил он негромко, но каждое слово ранило немилосердно:

— Юй Тяо, я ума не приложу, что у тебя в голове. Ты можешь хоть раз посоветоваться со мной, прежде чем выкидывать подобные штуки? Что тебе дала эта подлость? Разве Хань Ло сделал тебе хоть что-то плохое?

Он сделал паузу, чеканя жестокие фразы:

— Решил, что раз нас с ним больше ничего не связывает, то можно сбросить маску и показать оскал? Ты хоть понимаешь, что такое семья Хань? Потянешь ли ты войну с ними? Что ты будешь делать, когда они придут за твоей головой?

— Он сам попросил! Я не предлагал ему ничего! — Слёзы обиды хлынули с новой силой. Юй Тяо ненавидел, когда его очерняли. — И раз уж заговорили про оскал... Почему ты даже не допускаешь мысли, что виноват Хань Ло?! Почему сходу набрасываешься на меня? Ладно, ты меня не любишь, я понял! Но зачем вешать на меня чужие грехи?!

Лу Куаньдун тяжело перевёл дыхание. От этой отчаянной дерзости у него на мгновение дар речи пропал.

— У Хань Ло тяжелейшая форма аллергии! — рябью гнева отозвался он. — Иному достаточно просто прикоснуться к арахису, чтобы слечь! С какой стати ему рисковать собственной жизнью ради того, чтобы подставить тебя?! В чём смысл?!

— А раз смысла нет, так сразу я виноват?! — Жар хлынул волной, дыхание Юй Тяо стало обжигающим. Организм стремительно охватывала лихорадка; уши и щёки вспыхнули пунцовым румянцем, а глаза подёрнулись влажной пеленой. — А у меня тогда какой смысл?! Что я выиграю от его гибели?! Твою жалость? Или кучу денег?! Впрочем... забудь. Какая разница? Ты всё равно никогда за меня не заступался...

— Если они потребуют ответа — я отдам ему свою жизнь, и дело с концом!

Юй Тяо больше не мог находиться в этой комнате. Ему хотелось бежать — куда угодно, лишь бы подальше. За окном давно сгустились сумерки, и он мечтал раствориться в этой непроглядной тьме, чтобы его никто и никогда не нашёл.

— Чем ты отдашь?! — Куаньдун молниеносно сгреб его за руку, не давая сдвинуться с места. — Ты и волоска его не стоишь! Куда ты собрался?! Сиди здесь и объясняй толком, что случилось! Ты заварил эту кашу, так изволь рассказать всё как есть, чтобы я мог за тобой прибраться!

— Да как с тобой говорить?! — Юй Тяо окончательно потерял контроль над собой. Его пальцы были измазаны в крови: в приступе судорожного удушья он до мяса расчесал воспалённую железу и теперь пытался спрятать окровавленную шею за воротником. — Я уже сто раз повторил: я не давал ему сладостей сам! Ты мне не веришь и насильно заставляешь признать то, чего я не делал! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Юй Тяо ещё никогда не бунтовал столь открыто. Куаньдун на мгновение опешил, но следом за этим поднялась глухая, удушливая ярость. Возможно, причиной тому была небывалая дерзость, а может — вспыхнувшие в воздухе слова «я ненавижу тебя», ставшие той самой искрой, что подожгла фитиль.

Последние капли терпения иссякли.

— Хорошо. Не хочешь по-хорошему — сиди здесь один. Когда мозги встанут на место — позовёшь.

Острая ледяная дрожь пробила тело Юй Тяо. Почувствовав неладное, он вцепился в рукав Куаньдуна. Голос его, прерывающийся всхлипами, звучал беспомощно и жалко:

— Что... что ты делаешь? Пожалуйста, не оставляй меня здесь одного...

Куаньдун безжалостно сбросил его ладонь — легко, словно отмахнулся от кошачьей лапы. Разве мог истощённый юноша тягаться силой с альфой? Ноги Юй Тяо подкосились; сделав лишь шаг вслед, он тяжело рухнул на пол. Шаги Куаньдуна на мгновение замерли у порога, но затем дверь громко захлопнулась.

Опытный управляющий давно заметил витавшее между супругами напряжение и тихо следовал поодаль. Едва молодой господин вышел в коридор, старик сочувственно заговорил:

— Молодой господин... Господин Юй до смерти боится темноты. Может, лучше взять его с собой?..

— Да в таком состоянии он ляпнет глупость при первом же встречном! А если его услышат

люди семьи Хань? — Куаньдун нервно сдёргнул ослабленный галстук; во рту пересохло от гнева. — Поставь у дверей двоих охранников. Никого внутрь не впускать. Мне нужно срочно ехать в больницу к Хань Ло.

— А как же свет?.. Я проверил: выключатель от той комнаты снаружи. Господин Юй в темноте даже не найдёт...

— Обойдётся, — отрезал Куаньдун. — Раз уж он так меня «ненавидит». Если не преподнести ему урок сейчас, он так и останется наивным дураком, считающим, будто вокруг одни добряки.

<http://bllate.org/book/20424/2131830>